

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Смута как фактор российской истории

А. Ю. Дворниченко

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.301>

Автор разрабатывает «теорию смут», причем тема изучается прежде всего в теоретико-историографическом плане. В статье рассмотрен сам термин «смута», его происхождение, значение и время возникновения. Понятие в столь привычном для нас значении появилось достаточно поздно — в начале XVII в. Причины, ход и события первой российской Смуты можно рассматривать в качестве некоей модели, или матрицы, с полным основанием приложимой еще к двум переломным периодам русской истории: к «Великой российской революции» и перестройке, которые, по мнению автора, надо считать «смутами». Пришедшее с Запада слово «революция» только затемняет суть исторического процесса. Нет никаких оснований называть «революцией» смуту конца XX в., этот тезис и не требует фундаментального обоснования, тем более что страна сегодня вполне идентична «дореволюционной» России. Значительное место в своей статье автор отводит доказательству того, что никакой «революции» не было и в начале XX в., а была очередная смута, советский же период стал непосредственным продолжением досоветского. До начала XVII в. смут в России не бывало. Первая смута знаменовала, с одной стороны, рождение уникального российского государственно-крепостнического строя (ГКС) и окончательное формирование российской самодержавной государственности, а с другой — отсчет российского «Нового времени», начавшегося именно с нее, а не с правления Петра I. С тех пор наша история является постоянной чередой смут, не приводящих к появлению нового общественного порядка. После каждой смуты возрождается ГКС, который крепнет в результате «революции сверху», как-то приспособливается к дальнейшему существованию... и доживает до следующей смуты. Такова «цикличность» российской истории. Конечно, все актуаль-

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

ные понятия, вопрос о которых поднят в статье («смута», «революция сверху», «пред-смутная ситуация» и др.), нуждаются в дальнейшем тщательном изучении.

Ключевые слова: история России, историография России, смута, государственно-крепостнический строй, революция, *революция сверху*.

Smuta as a Factor of the Russian History

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. *Smuta as a Factor of the Russian History*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 677–701. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.301>

The author devises a theory of the “smuta” and examines the topic at the theoretic-historiographical level. The term “smuta”, its origin, meaning and the time of its emergence are examined in the article. The term in its most common sense came into being quite late enough — at the beginning of the 17th century. The causes, development and the events of the first Russian period of “smuta” (Time of Troubles) could be perceived as some sort of a model, or a matrix, which can be applied to two more watersheds in the Russian history: to “the Great Russian revolution” and to “Perestroika” which, in the author’s opinion, should be considered as the “smuta”. The word “revolution” borrowed from the West only obscures the essence of the historical process. There is no reason to classify the events of the 20th century as the “revolution”. This thesis does not require fundamental justification given the fact that there is close affinity between current situation and ‘pre-revolutionary’ Russia. A substantial part of the article is dedicated to proving that there was no “revolution” at the beginning of the 20th century either. Instead, there was another “smuta”, while the Soviet period was a continuation of the pre-Soviet one. Before the 17th century there had been no such phenomenon as the “smuta” in Russia. On the one hand, the first “smuta” (Time of Troubles) heralded the emergence of the unique Russian state-serfdom order and eventual shaping of the autocratic state. On the other hand, the “Time of Troubles”, rather than the reign of Peter I, represents the dawn of the Russian “Modern time”. Since then the Russian history has manifested itself as the series of “smuta” which do not lead to a new social order. After each period of “smuta” the state-serfdom regime revives itself, getting stronger as a result of the “revolution” from above, somehow adapting to further existence... and thus survives until the next “smuta”. This the “cyclicity” of the Russian history. Obviously, all the topical concepts raised in the article (such as “smuta”, “revolution from the above”, “pre-smuta situation” and etc.) are in need of further examination.

Keywords: the history of Russia, the historiography of Russia, the *smuta*, the Russian state-serfdom order, revolution, *revolution from above*.

«Смутоведение» — наука очень молодая. Впрочем, читатель может возмутиться и сказать, что и вовсе нет такой науки. Может быть, пока нет, но, несомненно, должна быть¹. Без понимания того, что такое *смута*, мы не поймем не только многих реалий, но и самой сути российской истории². Более того, это явление наверняка многое объясняет и в истории других стран. Статьи, которые читатель может

¹ Стоит обратить внимание на то, что термин «смутведение» уже в ходу: *Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Смутведение» как «гордиев узел» руссиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир*. 2010. № 4. С. 48–65.

² Автор осознает невозможность осветить столь обширную тему в рамках журнальной статьи, но уверен в необходимости таких статей. В любом случае большая часть доказательств и материалов оказывается за рамками статьи. Определенную помощь читателю могут оказать другие работы автора: *Дворниченко А. Ю.*: 1) *Российская история с древнейших времен до падения самодержавия*.

прочитать в нашем журнале, показывают, что смута — явление не сугубо русское³. Но все-таки нет во всем мире страны со столь ярко выраженной «смутной» историей. Это отразилось даже в языке. Западная наука с трудом подыскивает понятия для определения смуты: «The Time of Troubles», «Zeit der Wirren», «Le temps des troubles» и пр., и все они не что иное, как просто перевод глубокого русского понятия «смута». В английском, например, это слово-ксеноним, т. е. языковая единица, используемая для обозначения заимствованных элементов культуры. Причем его можно отнести «ко второй категории ксенонимов, включаемых в словари английского языка большого и среднего объема, но знакомых лишь специалистам»⁴. И действительно, увлекательнее любого детектива уже история самого слова (и понятия). Откуда оно вообще взялось в нашем лексиконе? Это своего рода филологическая загадка. Согласно М. Фасмеру⁵, оно было заимствовано из церковнославянского языка. Однако в церковнославянском языке есть только слова «мутъ», «мутитися» и «смутитесь»⁶, которые так или иначе отвечают греческим прототипам, например мутитесь — *ταράσσειν*⁷. В старославянском языке и того не было, а было только «мутити»⁸. «Мутить» находим и в историко-этимологическом словаре современного русского языка⁹. В форме «смутити» обнаруживаем его в знаменитых материалах И. И. Срезневского¹⁰. Нет слова «смута» в привычном нам значении и в близких славянских языках. В украинском слово, похоже, пришедшее из русского, и в прежнее время означало «смятение»¹¹. В польском для передачи этого чисто российского понятия

М., 2010; 2) Зеркала и химеры. О происхождении древнерусского государства. М.; СПб., 2014; 3) Россия. Загадка истории. М., 2015; 4) Прощание с Революцией. М., 2018.

³ «Килонова» и другие смуты в Греции, смуты в древнем Риме. Вообще, античность знала все те явления, которые известны и в более поздние времена: революцию, смуту, демократию, тиранию (см., напр: *Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности*. СПб., 2004. С. 142–152). Впрочем, смуты хорошо известны и в истории Востока, например «Смута годов Дзэхэй и Тэнгё» в средневековой Японии, смуты в Древнем Китае. Описаны они и в истории средневековой Европы, Византии... Поэтому трудно согласиться с тем, что только для России понятие «смута» имеет научное значение, а по отношению к другим странам его можно употреблять лишь в качестве метафоры (*Фурсов А.И. Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов. Сб. научных статей. (К 95-летию Февраля — Октября 1917 г.). М., 2012. С. 231.*

⁴ *Белгородская Л.В. Образ Смутного времени в англо-американской энциклопедистике XX — начала XXI в. // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 9.*

⁵ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд., стереотип. Т. III. М., 1987. С. 694.*

⁶ *Дьяченко Г., прот.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 320.

⁷ Словарь А. Д. Вейсмана приводит слово *ταράσσω*: потрясать, мутить, волновать: *Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь*. М., 1991. Стб. 1227 (репринт 5-го изд. 1899 г.).

⁸ *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки, Э.Благовой. М., 1994. С. 343.*

⁹ *Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 8-е изд., стереотип. М., 2007. С. 550.*

¹⁰ *Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. М., 1958. Стб. 752–754 (репринт издания 1903 г.). «Смутить» — основное значение, но есть еще «разбить, привести в расстройство», «произвести смуту, возбудить мятеж», «поднять на кого-то», «смут», «смущение». Интересно, что у Срезневского слово «смута» передается понятием «смутница», а самой «смуты» нет!*

¹¹ *Українсько-російський словник. Вид. четверте. Київ, 1977. С. 778. — Проблема со «смуткой» ярче на фоне слова «руина», тоже печально известного, полностью совпадающего в обоих языках.*

используют разные слова: «zaburzenia» (волнения, беспорядки); «rozruchy» (волнения, революционное брожение), но «Okres zamieszek» — для обозначения «Смутного времени»¹².

Этот краткий филологический обзор показывает, что слово и понятие прекрасно чувствуют себя (и осознают) именно в русском языке и, как увидим, в российской истории. Знаменитый советский словарь приводит целый куст слов, связанных с этим понятием, где «смута» оказывается эквивалентом мятежей, народных волнений, раздоров, ссор, беспорядков»; «смутный» — неясный, неотчетливый, беспокойный, тревожный, а «смутьян» (от «смутьянить») — человек, который вносит смуту, раздоры¹³. Термин «смута» стал, видимо, распространяться с начала XVII в.¹⁴, и был «введен русскими писателями» этого столетия¹⁵, о чем свидетельствуют словари и энциклопедии¹⁶. Это же подтверждают и современные исследователи¹⁷. Со временем термин вполне укоренился в русском языке и российском праве. Укоренился настолько, что в Уложении 22 марта 1903 г. им обозначена группа тех государственных преступлений, «которые характеризуются присущим им признаком нарушения государственной безопасности, как внутренней, так и внешней»¹⁸. Однако больше всего это понятие «приросло» к определению периода, который назывался «еще “великой разрухой” и был одним из самых критических в жизни московского государства»¹⁹.

Историография Смутного времени до 1917 г. прошла долгий и славный путь: от сугубо психологических оценок «старых» историков до глубоко понимания самого феномена Смуты в трудах С. Ф. Платонова и В. О. Ключевского²⁰. Советская историческая наука, к сожалению, отказалась от этого понятия, попытавшись заменить его понятием «крестьянская война». В качестве теоретической опоры был

¹² Słownik rosyjsko-polski / pod red. I. N. Dworeckiego. Warszawa, 1950. S. 681. — В современных событиях Смуты польских источниках она именовалась «Димитриадой» (*Лисейцев Д. В.* Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003. С. 322).

¹³ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 737.

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М., 2000. С. 217–218.

¹⁵ Словарь исторических терминов / сост. В. С. Симаков. СПб., 1998. С. 320. — Мысль о более позднем происхождении слова, введении его в оборот Г. П. Котошихины или другими авторами «бунташного» столетия, должна быть ныне забыта (*Лисейцев Д. В.* Смутное время... С. 318–319).

¹⁶ Это слово пишется то с прописной, то со строчной буквы. Как бы то ни было, читатели догадываются, о чем речь.

¹⁷ Архивные изыскания показывают, что термин в значении «конфликт» употребляли и в конце XVI в. Но с первых лет Смуты московские жители стали постоянно употреблять это слово для обозначения происходящих в стране событий (*Лисейцев Д. В.* Смутное время... С. 319).

¹⁸ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. Т. 17. СПб., 1904. — Еще более знаменитое издание в данном случае ссылается на проект уголовного уложения 1895 г. См.: Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона]. 60-й полутом. СПб., 1900. С. 581.

¹⁹ Большая энциклопедия... С. 575.

²⁰ К сожалению, цельного труда по историографии Смуты нет, но есть работы, в которых рассмотрены те или иные исторические концепции. См. напр.: *Цамутали Н. А.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986; *Брачев В. С.* Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010. С. 103–148. См. краткую историографию: *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 18–25; *Dunning Ch. S. L.* Crisis, Conjunction, and the Causes of the Time of Troubles // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 97–119.

избран Ф.Энгельс с его «Крестьянской войной в Германии», а с точки зрения фактографической — события Смуты, связанные с деятельностью И.И.Болотникова.

Современная наука постепенно вернулась к понятию смуты. Возвращение было трудным и болезненным. Это видно на примере работ Р.Г.Скрынникова, который с трудом разрывал путы советской науки, сбиваясь на понятие «крестьянская война», как бы боясь пока термина «смута»²¹. Веянием «переходного научного времени» было употребление для обозначения смуты понятия «гражданская война»²². Хотя вскоре стало ясно, что гражданская война сопровождает каждую смуту, но феномен смуты шире и полисемантичнее, чем «гражданская война». Новейшая историография изобилует противоречиями²³, но для нас важно отметить, что теперь Смута воспринимается историками как Смута.

Благодаря работам прежних и нынешних историков мы можем дать в самом общем виде схему Смуты начала XVII в. Не будем затрагивать проблему периодизации Смуты: тут сколько голов, столько и умов. Причины Смутного времени стали изучать очень давно, стараясь понять их уже умом современников самих событий²⁴. Но по-прежнему актуальны слова, сказанные более ста лет назад: «Смута поражает своею неясностью, неопределенностью...», это не «политическая революция» и не социальный переворот. Это «брожение больного государственно-организма, стремившегося выйти из тех противоречий, к которым привел его предшествовавший ход истории и которые не могли быть разрешены мирным, обычным путем»²⁵. Смуте предшествовали реформы 50-х годов XVI в. (реформы так называемой Избранной рады). Трудно назвать «реформой» кровавое марево грозненской опричнины. Она скорее относится к «революциям сверху», о которых скажем ниже. Но в контексте подготовки Смуты она встает в один ряд с неудачными (как всегда в России) реформами. Реформы сопрягались с крайне тяжелым военным положением тогда еще молодой Московии. К войнам можно добавить и экономический кризис, во многом вызванный теми же войнами и опричниной, как, впрочем, и природными катаклизмами. Еще одна черта Смутного времени — это значительная десаκραлизация власти, драматически сопряженная с трагическим пресечением династии. Русский народ в то время уже был полностью ориентирован на «доброе», т. е. «истинного» царя. Смута «была не только политическим кризисом и не только социальной катастрофой. Это было еще и душевное потрясение, или нравственный перелом»²⁶.

²¹ Дворниченко А. Ю. Руслан Григорьевич Скрынников — исследователь Смутного времени // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 62.

²² Практически одновременно этот термин стали использовать Р.Г.Скрынников и А.Л.Станиславский (*Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории*. М., 1990). С той поры его употребили уже очень многие.

²³ Селин А. А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 223–227.

²⁴ Яковлев А. Безумное молчание (причины Смуты по взглядам русских современников) // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 651–678.

²⁵ Энциклопедический словарь... С. 584.

²⁶ Флоровский Г. Противоречия XVII века (III глава из книги «Пути русского богословия». Париж, 1937) // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 300.

Принципиально важное наблюдение историков прошлого: смута началась в самых верхах, с кризиса верховной власти, а потом уже спустилась вниз, в «средние» слои и народные массы. Страна разваливалась, с окраин двигались армии захватывать власть в центре. Гражданская война тесно переплелась с интервенцией стран Запада. В дело, как известно, вмешались Польша и Швеция, которым не помешали даже глубинные взаимные противоречия. Смута закончилась далеко не сразу, отряды казаков и «лисовчиков» (остатки польских интервентов, пополненные всяким сбродом) еще долго терроризировали страну, еще долго не решались ни внешние, ни внутренние проблемы. При этом (что часто не замечают современные «смутоведы») расцвела *земская традиция*, которая, собственно, и спасла российскую государственность. Но плодами победы воспользовались другие силы и другие люди.

Впрочем, для наших целей важны не причины и не ход Смуты, а ее последствия. Сравнительно недавно Д. В. Лисейцев обнаружил интересную историографическую ситуацию. Все исследователи единодушно констатируют факт разрушения в ходе Смуты структур государственной власти, которые новой династии пришлось восстанавливать. Но дальше единодушие кончается, и если одни историки отрицают воздействие Смутного времени на дальнейшую судьбу Московского государства, отмечая отсутствие принципиальных различий между его внутренней организацией в XVI и XVII вв., то другие такое воздействие признают, находят различия, считая их следствием кризиса начала XVII в.²⁷ Сам же историк, изучив приказную систему Московского царства, не обнаружил ни кризиса, ни заметных перемен в политическом устройстве государства. При этом династического и социально-экономического кризисов он не отрицает²⁸.

Эту мысль можно продолжить. Дело в том, что и названные кризисы при всей их невыносимой тяжести не оказали определяющего воздействия на ход российской истории. В ходе Смуты и после нее не только окончательно окрепла политическая система, но и полностью сформировался уникальный российский *государственно-крепостнический строй* в целом. Обращаем внимание читателя на это ключевое понятие, которое очень многое (если не все) объясняет в нашей «новой» истории. Формирование этого строя²⁹ началось до Смуты, а завершилось в общих чертах после нее, в полной мере отразившись в выдающемся памятнике русского права — Соборном Уложении 1649 г. «Развитие» этого строя продолжилось и в дальнейшем. Оно заключалось в постепенном изживании земской традиции, а соответственно тех элементов демократии, которые присутствовали в истории Московии. Обратной стороной этого процесса стал все больший отрыв власти от народа, отсутствие тех или иных рычагов воздействия населения на государство, рост хищений. Такой строй был просто обречен на периодические смуты.

²⁷ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 3.

²⁸ Там же. С. 584. См. также: Лисейцев Д. В. Центральная власть России эпохи Смуты начала XVII в.: существовала ли альтернатива укреплению самодержавия? // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 3–14.

²⁹ Его характеристика давалась уже не раз: Дворниченко А. Ю.: 1) Уложение 1649 года и государственный строй России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сб. статей памяти М. М. Шумилова. СПб., 2004. С. 15–15; 2) Русская история с древнейших времен до падения самодержавия. С. 426–454 и др.

Не менее важное обстоятельство: Смута, собственно, и начинает период «новой» российской истории³⁰. Пожалуй, впервые это было подмечено в ярком памятнике нашей историографии — 6-томном труде, опубликованном к 300-летию дома Романовых. Интересно, что со времен Н. М. Карамзина, Н. Г. Устрялова и др. принято было начинать «новое» время с Петра. Представители двух школ (Ключевского и Платонова), объединившись в соиздании юбилейного труда, тонко почувствовали, что «новое» время России начинается именно со Смуты, и устами А. Е. Преснякова прямо об этом заявили³¹. Может быть, уловить это можно было только накануне новой Смуты. Не случайно и такой чуткий к достижениям историков мыслитель, как В. И. Ленин, начинал третий — «новый период русской истории примерно с 17-го века»³². И это совершенно правильно, поскольку именно с начала XVII в. смута становится одним из ключевых факторов российской истории, а *теория смут* позволяет по-новому взглянуть на всю нашу историю.

Масштабные смуты сотрясали нашу государственность в ушедшем XX в. В его начале произошли события, столетие которых недавно без особой помпы отмечалось в нашей стране. Ход событий, в общем, неплохо известен. Споры идут по вопросам скорее теоретическим, в частности, о том, предшествовал ли революции экономический кризис. Убедительна точка зрения, согласно которой особого экономического кризиса не наблюдалось³³. В противном случае мы можем утверждать, что у нас в стране перманентный кризис. Всю свою сознательную жизнь я беседую с людьми, которым довелось прожить 80 лет и больше (пока рекорд — 106 лет!), и все они говорят, что прожили свою жизнь в полном экономическом кризисе. Конечно, такое восприятие можно отнести к особенностям психологии, но как-то трагизм нашей истории это отражает. Впрочем, с тем, что был кризис власти, похоже, не спорит никто.

Второй важнейший момент — «революции» предшествовали большие реформы, так называемые «великие» 60-х — 70-х годов XIX в. и не менее «великая» столыпинская. Свое мощное влияние оказали и войны, особенно Первая мировая война, которая потребовала колоссальной мобилизации сил. Страшное обострение всех российских проблем в ходе так называемой «Первой русской революции» и в период войны, неспособность власти хоть как-то решить эти проблемы полностью ее дискредитировали. Власть так расшаталась, что пала от не очень-то сильного толчка. На смену самодержавию пришло Временное правительство, которое провело славные демократические преобразования, но ни одного насущного вопроса решить не смогло — ни земельно-крестьянского, ни рабочего, ни национального, ни «о войне и мире», ни административно-управленческого. Вновь началась стагнация власти, на фоне которой пышным цветом расцвела земская традиция, не потерянные еще навыки земского самоуправления. Правда, на макроуровне земская традиция не

³⁰ Взял в кавычки, чтобы не возникало ненужных ассоциаций с западной историей: у нашей истории своя периодизация. См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. С. 35–37.

³¹ Пресняков А. Е. Три столетия // Три века. Том первый / сост. А. М. Мартышкин, А. Г. Свиридов. М., 1991. С. 8 (репринт издания 1912 г.).

³² Сахаров А. М. Работа В. И. Ленина над источниками по русской истории // Сахаров А. М. Методология истории и историография. (Статьи и выступления). М., 1981. С. 20–23.

³³ Споры в историографии по этому поводу освещены: Миронов Б. Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

могла привести к формированию более или менее адекватной государственности. Фактически властный вакуум так и не был заполнен. Вот почему большевистский переворот, как и Февральская «революция», оказался быстрым и «малокровным». Но у большевиков, с одной стороны, не было другого плана, кроме осуществления революции во всемирных масштабах, а с другой стороны, захват ими власти спровоцировал начало Гражданской войны. Конфликт, возникший в верхах общества и в столицах, двинулся вниз в российские сословия и в российские же города и веси.

Развернулась кровавая и свирепая Гражданская война, отягченная серьезным вмешательством внешних сил — вооруженной интервенцией соседних государств. Вначале экономическая политика большевиков — это причудливая смесь доктринальных установок и тактических задач. Мы имеем в виду политику военного коммунизма. Когда она себя не оправдала и грозила стать могильщиком большевиков, они взяли на вооружение некую амбивалентную систему под названием НЭП. Собственно, вся большевистская государственность отличалась такой неопределенностью. Картину не меняет и то, что НЭП, похоже, сам вызрел в рамках «военного коммунизма»³⁴. Ситуацию изменила «великая сталинская революция сверху», когда путем идеологической обработки и государственного насилия был восстановлен государственный строй, носивший яркие черты крепостничества³⁵. И здесь картина не меняется от того, что (как сейчас пишут) сталинская «командно-административная система» тоже вызрела в недрах НЭПа.

Подобная «смутная» ситуация нам известна и в конце XX в. Это так называемая перестройка, «постмодернистская» смута³⁶. Ей предшествовала настоящая война, правда, «холодная», но во многом не менее тяжелая, чем «горячая». Советский Союз, тогдашняя ипостась России, ввиду своей отсталости («Верхняя Вольта с ядерными ракетами») фактически проиграл. Он вынужден был «помогать» не только лагерю социализма, но и всем «прогрессивным» режимам. Средства уходили как в «черную дыру», не помогали даже доходы от нефтедолларов. К внешним влияниям надо отнести и активную деятельность иностранных разведок, и антисоветскую пропаганду, и многое другое. Но все-таки главными были внутренние причины, и на этот раз экономический кризис все-таки разразился. Смуте и теперь предшествовали реформы, окончившиеся неудачей. Зато они стали своего рода индикатором тупикового положения власти, провозглашавшей путь к прогрессу, но тянувшей страну в прошлое. И снова всё сошлось на вопросе о власти, началось в столицах, а оттуда уже двинулось в народ. Как и раньше, обострились все российские проблемы. Смута воцарилась также в головах: попытались, как бы вычеркнуть несколько десятков лет из своей идеологии, черпая «все идеалы в дореволюционной России и на Западе»³⁷.

³⁴ *Пайпс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. С. 480.

³⁵ Р. Пайпс тонко подметил, что когда речь идет о смене Ленина Сталиным, «надо вернуться к понятию исторической неизбежности (*Пайпс Р.* Три «почему» русской революции. М.; СПб., 1996. С. 71–72). Тут стоит только добавить, что и смута у нас («ленинская» или какая другая) тоже историческая неизбежность.

³⁶ *Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 11.

³⁷ Там же. С. 329.

В современной историографии любят с удовлетворением отмечать мирный характер этой смуты. Но по людским потерям она не так уж безобидна, особенно, в сфере межэтнических конфликтов. А сколько народу умерло от плохой пищи и алкоголя?! И хотя полномасштабной гражданской войны, к счастью, на этот раз не получилось, локальных конфликтов, как известно, было достаточно. За отсутствие гражданской войны надо поблагодарить мудрую советскую власть, которая так «подготовила» страну к смуте, так оформила «окраины», что походов оттуда и не понадобилось. Правда, порадоваться этому не получается. Ибо именно этим недавняя смута отличается от предыдущих: в первую смуту «империя» восстановилась и окрепла; во вторую (спасибо большевикам!) она также была восстановлена и просуществовала еще несколько десятков лет. Теперь она, похоже, развалилась навсегда, что наводит на грустную мысль о том, что и нынешняя Россия — материал для возможных в будущем подобного рода катастроф. Многие события и процессы в политической жизни начала и конца XX в. имеют поразительное сходство...³⁸

Итак, перед нами три явления российской истории, которые буквально идентичны друг другу и являются по сути *смутами*. С точки зрения науки герменевтики это наше родное понятие наиболее адекватно отражает суть явления. Однако проблема понимания значительно осложняется использованием западного термина «революция»³⁹. Это слово, весьма поздно попавшее в наш лексикон, применяли по отношению к первой смуте⁴⁰. Пытаются применить данное понятие и к событиям конца XX в.⁴¹, но звучит оно по меньшей мере смешно. Один из главных участ-

³⁸ Калмыков А. Г. Основные этапы российского парламентаризма. Сравнительный аспект // Историк и революция. Сб. статей к 70-летию со дня рождения О. Н. Знаменского. СПб., 1999. С. 224–238; Булдаков В. П. Системный кризис в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. Т. XXII. The Slavic Research Center. Hokkaido, 2005. P. 105.

³⁹ Вопрос о том, что это слово означает, рассматривался многими, в том числе и в работе: Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. С. 18–27. — Здесь лишь отметим, что слово нерусское (фр. *révolution*) и посему «обитает» оно в отличие от «смуты» только в словарях иностранных слов. Такой авторитет, как М. Фасмер, считал, что в XVIII в. оно пришло через польское *rewolucja* от лат. *revolutio* (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 456).

⁴⁰ Наиболее активные попытки «обозвать» нашу старую недобрую смуту «революцией» наблюдаются как раз в Смутное время, когда под «революцию» пытались подвести и Степана Разина, и Емельяна Пугачева, и даже социальную борьбу в Киевской Руси. Грешил этим в 1909 г. даже сам П. Б. Струве, который, имея в виду «революцию 1905 г.», писал в знаменитых «Вехах»: «Революция конца XVI и начала XVII вв. в высшей степени поучительна при сопоставлении с пережитыми нами событиями». Правда, он считал, что для низов населения результаты смуты были не только ничтожными, но даже отрицательными (Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей. 1909–1910. М., 1991. С. 136–137). Как дворянскую революцию рассматривал Смуту начала XVII в. создатель масштабной, но не очень жизнеспособной схемы мировой истории Н. А. Рожков. Как о революционных движениях, крестьянской революции писали о ней Ю. В. Готье, Н. Н. Фирсов и ряд других историков. М. Н. Покровский прошел путь в оценке этого явления от «дворянской смуты» до «крестьянской революции», которая нашла многих сторонников среди историков смутного времени начала XX в. (Рубинштейн Н. Л. Русская историография. 2-е изд. СПб., 2008. С. 657, 682; Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 166–167). Наблюдаются такие попытки и в наши дни. Так, В. Д. Соловей считает, что Смута начала XVII в. была революцией, при этом сожалеет, что в ней не сражались староверы, тогда она стала бы успешной (Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 230).

⁴¹ Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. 2-е изд., доп. М., 2004.

ников этой смуты Е. Т. Гайдар употреблял обычно понятие «смута»⁴². А. А. Зиновьев хорошо сказал: «... Тут нет революции в строгом смысле слова, тут насильственная переделка строя страны по указаниям победителей»⁴³. Сам знаток советской эпохи применительно к перестройке употреблял только понятие «смута»⁴⁴.

Некоторые специалисты затрудняются дать научное определение перестройки. Как пишет А. Н. Медушевский, это не была социальная революция, поскольку перестройка не выдвинула мессианской идеологии, не привела к смене элит и завершилась дезинтеграцией. Но она не была и реформой или «революцией сверху», поскольку произошел срыв постепенных и управляемых преобразований и возобладали спонтанные процессы распада. Не была она и «реставрацией» (или «Термидором») в классическом смысле, поскольку не привела к возрождению дореволюционных порядков. А чем же она была?! Оказывается, Реформацией — широким общественным движением, иногда именуемым «религиозной революцией»⁴⁵. Звучит, конечно, красиво, но пусть остается на совести известного политолога. Реформации-то в России и в старину не было, откуда она теперь возьмется!? В общем понятие «революция» применительно к перестройке никак не работает, что как раз подтверждает тот факт, что «вопрос с дефиницией этой категории» не прояснен⁴⁶. Словом, смута — она и есть смута! Кстати, из иностранных светочей науки о смуте конца XX в. как о революции высказался Р. Пайпс, но тут он явно погорячился⁴⁷.

Сложнее — с 1917 г. Мысль о тех событиях как о «революции», вернее, о ряде революций, настолько укоренилась в сознании, что расстаться с ней очень трудно. Впрочем, определение этой самой «революции» за прошедшее столетие претерпело значительные изменения. Последний и самый неудачный вариант: «Великая русская революция». Сначала была «Великая Октябрьская социалистическая революция», а потом, когда она опустилась до «переворота» (в ходе перестройки), одной «великой» стали именовать все российские «революции» начала XX в. вместе взятые. Однако никаких оснований для этого нет. Позволим себе небольшой историографический экскурс.

Тенденция раздвигать границы этой революции проявилась давно. Уже русский эмигрантский историк Г. В. Вернадский задал тон: «его революция» длилась до 1932 г.⁴⁸ Вспоминается и более близкое по времени мощное произведение О. Файджеса, увидевшее свет на разных языках и в разных вариантах⁴⁹. Тут захвачен пери-

⁴² Гайдар Е. Смуты и институты. М., 2015.

⁴³ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. М., 1995. С. 247.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 550.

⁴⁶ Кротков В. О. От СССР к России — авторитарная трансформация рубежа XX–XXI веков. 2-е изд. М., 2012. С. 7.

⁴⁷ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. С. 18. — Исследователь, видимо, запутался в этом вопросе. Ведь в другой работе он открыл, что именно история России до 1917 г. демонстрирует такую закономерность: частная собственность является необходимой, но недостаточной предпосылкой свободы (Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001. С. 269). Перестройка частную собственность, в том числе и олигархическую, вернула, а свободы (во всяком случае в западном понимании) не дала. Что же это тогда за революция?

⁴⁸ Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1932. New York, 1932.

⁴⁹ Figs O. Peoples's Tragedy: The Russian Revolution, 1899–1924. London, 1998.

од с 1899 по 1924 г. М. Хильдермайер начинает с 1905 г. и считает, что революция длилась до 1921 г., т. е. до окончания Гражданской войны⁵⁰. Очень распространенный подход — вводить революцию во временные рамки от 1914 до 1921 г. Кое-кто доводит ее до 1927 г., разгрома Троцкого и «левой оппозиции», а кто-то — до первого пятилетнего плана (1929 г.). Роберт Сервис — до конца НЭПа⁵¹. С. А. Смит, известный специалист по социальной истории революции, в новейшей книге начинает ее с 1890 г., а заканчивает 1928⁵². Шейла Фицпатрик свою краткую историю революции завершает на середине 30-х годов⁵³, но позже уже рассматривает репрессии 1937–1938 гг. как «чудовищный постскрипtum» к революции⁵⁴. Файджес в недавней работе раздвинул границы революции еще шире. Продолжая мысль Фицпатрик, он отметил, что эксперимент в плане террора продолжался вплоть до 1952 г., а Вторая мировая война не прервала революцию, она расширила и интенсифицировала ее. Холодная война была своего рода продолжением «интернациональной гражданской войны», и в общем вполне можно говорить о едином революционном цикле в сто лет, завершающимся коллапсом СССР⁵⁵. Такого рода «революционное раздолье» наблюдается и на отечественной историографической почве. А. Н. Медушевский — адепт когнитивного подхода, посему в основу периодизации русского революционного процесса он кладет развитие самого революционного мифа на всем протяжении существования (1917–1991), точнее, «основанные на нем модификации легитимирующей формулы революционного режима, отраженные в его основополагающих конституционных актах»⁵⁶. Весьма часто к «великой» революции относят и события «революции» 1905–1907 гг. К «революционерам» причисляют и Петра Великого, и Богдана Хмельницкого, и многих других. А записать в «революционеры» такого деятеля, как Владимир Путин, сам бог велел...⁵⁷ Может, у нас все время революция?! Эдакая суперреволюционная страна?

Лучше оставим «Великую русскую революцию» без берегов на совести тех, кто ее придумал⁵⁸. Кстати, и Французскую революцию называли Великой именно россияне⁵⁹. Но наша-то, великая она или не великая, была ли революцией? Считают ли ее таковой специалисты? Для того чтобы это понять, нужно рассмотреть историографию «революции». Но она столь обширна, что обозреть ее в рамках статьи невозможно. Есть и другая трудность, которая, конечно, не волнует тех, кто придумал понятие «Великая русская революция». Единой-то «революции» все-таки нет,

⁵⁰ *Hildermeier M.* Die russische Revolution 1905. Frankfurt a. M., 1989; *Bonwetsch B.* Die Russische Revolution 1917: Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991.

⁵¹ *Service Robert.* The Russian Revolution. 4th ed. Palgrave, 2009.

⁵² *Smith S. A.* Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford, 2017.

⁵³ *Fitzpatrick Sheila.* The Russian Revolution. 3rd ed. Oxford, 2008. P. 151–172.

⁵⁴ *Fitzpatrick S.* Ending the Russian Revolution: Reflections on Soviet History and Its Interpreters. Elie Kedourie Memorial Lecture // Proceedings of the British Academy. Vol. 162. Oxford, 2009. P. 36–37.

⁵⁵ *Figes Orlando.* Revolutionary Russia, 1891–1991. A Pelican Introduction. London, 2014. P. xi–xviii.

⁵⁶ *Медушевский А. Н.* Политическая история русской революции... С. 24.

⁵⁷ *Стародубровская И. В., Май В. А.* Великие революции: от Кромвеля до Путина...

⁵⁸ Не очень много пользы для понимания явления несет и идея о неких репетициях того или иного «революционного» взрыва, см.: *Нефедов С. А.* Репетиции Февральской революции // Былые годы. Т. 42. 2016. Вып. 4. С. 1378–1385.

⁵⁹ *Чудинов А.* Культ революции // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2017. № 6 (30). Июнь. С. 71.

она распадается на части, и о каждой части — свои историческая память и историография.

Автор этих строк постарался рассмотреть основные историографические тренды и бренды исторической памяти по теме «русских революций начала XX в.» в отдельной работе⁶⁰. Оказалось, что «революции» эти фактически уже ушли из нашей исторической памяти и идеологии, которые (в полном созвучии с П. Н. Милюковым) созидаются у нас сверху. Борьба нынешней власти с «революциями» дала свой блестящий эффект. Кстати, последние события подтвердили такого рода выводы. На 100-летие (sic!) «революций» власть откликнулась только парой телевизионных сериалов сомнительного качества, да в очередной раз провела реконструкцию парада 1941 г. Это «крайне любопытная символическая подмена: событие, являвшееся по своей сути коммеморацией, само становится источником для коммемораций, приобретая тем самым самостоятельное значение»⁶¹. Тут показательно уже отмеченное в литературе стремление в области исторической памяти подменить миф о революции мифом о Великой Отечественной войне. Борьба же нынешней власти с революцией дает свои результаты даже по сравнению с 2007 г. Для школьников Октябрь уже звучит ничуть не значительней, чем дворцовые перевороты XVIII в.⁶² Историческая память сегодняшнего общества носит искусственный, манипуляционный характер⁶³. Но, может быть, этот процесс (изживания из памяти «революций») имеет и объективную основу? Скоро «революции» в исторической памяти не останется, а смуту-то никуда не денешь... Определенно историческая наука в области изучения русских «революций» зашла в тупик, что показано в многочисленных обзорах В. П. Булдакова и видно из обсуждения его работ. Итогом «хождения» революции «по мукам» историографии можно считать его слова: «Если взглянуть в реалии 1917 г., то обнаружится, что, в сущности, старую власть ни в Феврале, ни в Октябре никто не свергал. В нее переставали верить, она разваливалась сама, ее добивали, причем делали это с упоением людей, которым нечего терять. Неслучайно “революционные” события 1990-х гг. протекали по сходному сценарию»⁶⁴. Даже в казачьих областях падение монархии не вызвало отклика⁶⁵.

Понять эти события, процессы и явления помогают не исследования самих «революций», зашедшие в тот самый тупик, а скорее сравнительно-исторические исследования, историческая компаративистика. К сожалению, эту сферу исторического знания развитой не назовешь, принципы сравнительно-исторической методы не разработаны⁶⁶. Более того, специалисты даже сомневаются в возможности

⁶⁰ Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. С. 117–168. — Вообще, таких обзоров, как может догадаться читатель, много. По истории Октября с подобным обзором сравнительно недавно выступал В. П. Булдаков (*Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 588–646*), автор многих статей о великом Октябре.

⁶¹ Аникин Д. А. Символическая борьба с советским прошлым: парад в контексте политики памяти // *Власть*. 2014. № 2. С. 141.

⁶² Головашина О. В. Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов) // *Internum*. 2015. № 1 (10). С. 15.

⁶³ Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. М., 2011. С. 259.

⁶⁴ Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сб. научных статей. (К 95-летию Февраля — Октября 1917 г.)*. М., 2012. С. 76.

⁶⁵ O'Rourke Shane. *The Cossacks*. Manchester; New York, 2007. P. 216.

⁶⁶ См.: Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. пособие. СПб., 2015.

ее существования. Однако очень многие сравнивали русскую «революцию» с другими революциями, прежде всего с английской и французской. Эти сравнения при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики. Сколько было сравнивающих, столько было и возражавших против такого сравнения⁶⁷. Представляется, что сравнивать русскую «революцию» с другими революциями нет никакого основания. В чем недостаток подобного сравнения? Прежде всего в том, что подход оказывается поверхностным. Упор делается на внешнее сходство, что вряд ли правомерно, поскольку наша «революция» сознательно рядилась в своей символике под западные революции. А как же суть? Другими словами, если мы пытаемся сравнить русскую революцию с революциями в других странах, мы должны сначала доказать, что Россию корректно сравнивать с этими странами, в частности с Францией (или Китаем). В своей научной деятельности мне приходилось сравнивать между собой разные общества, например, индейцев Северной Америки с населением Киевской Руси, но я твердо знал, что и там, и здесь была стадия распада родовых отношений и формирования территориальных связей. Вот когда докажут, что Россия и, скажем, Франция или тот же Китай стояли на одной стадии развития — индустриального, до- или постиндустриального (не так важно), тогда можно согласиться с тем, что эти страны (и их революции) сравнимы. Лучше наше сравнить с нашим — со Смутой! И такое сравнение уже становится тривиальностью. Кто только этого ни делал: от самих участников «революционных» событий до современного историка В. П. Булдакова⁶⁸.

Да, о смутах рассуждают многие, но представление об этом предмете «смутное», особенно — о роли смут в самом ходе российского исторического процесса. Так, В. П. Булдаков в конечном итоге приходит к выводу, что «по характеру своего протекания “большевистская” революция ближе не к якобинству, а к Смутному времени — отсюда ее “неожиданно” деспотический итог»⁶⁹. Но дальше В. П. Булдаков двинулся от «революциологии» к «империологии» и здесь застрял, так как провозглашение России империей уже с XVII в. ничего толком в смутах не разъясняет. Ну что может дать мысль о том, что Франция ко времени революции еще не была империей (сложноорганизованной этносоциальной системой), а Россия начала XVII в. ею стала уже в предыдущее столетие? Отсюда и вывод «суть русской революции — в людской архаике» повисает в воздухе⁷⁰. Слабость книги В. П. Булдакова — в общеисторическом антураже. Дело в том, что, пытаясь найти разгадку русской истории на пути изучения «кризиса империи» и сравнения российской «империи» с другими, историк в конце концов в этой «империологии» запутывается. Он приходит к неутешительному выводу о том, что создать теории общего кризиса имперских систем нельзя⁷¹. Конечно, теории кризиса этих самых систем действительно создать нельзя, но России-то — можно! Почему, в самом деле, смута может быть только в империях, как утверждает Булдаков? Тогда надо понять, что такое империя. Конечно, если это наличие «всемирно значимой идеи», то вопрос

⁶⁷ См.: Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. С. 169–185.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Булдаков В. П. Красная смута... С. 657.

⁷⁰ Там же. С. 663.

⁷¹ Там же. С. 693.

снимается⁷². И откуда взялась версия о том, что смута может закончиться революцией, а может и не закончиться?⁷³

Этой проблемой много занимался В. Д. Соловей. Он в пух и прах разгромил теорию цикличности А. Янова (за что ему большая благодарность, поскольку от теории цикличности — только затемнение)⁷⁴, затем взял на вооружение «Русскую Систему» Ю. Пивоварова — А. Фурсова⁷⁵, «революционные наблюдения» В. Булдакова и пустился в самостоятельное плавание. Он выдвинул теорию «русской Смуты», которая является такой же спецификой русской истории, как и самодевялющая русская власть⁷⁶. Причем власть олицетворяет собой Космос, (вернее, является Космосом, а Смута — Хаосом). Именно посредством смут русская история совершает свои повороты. Утверждения автора о всеобщности, всеохватности смуты бесспорны. Не оспоришь и тезис о хронологической протяженности смуты. Но утверждение о том, что революции — это одновременно и углубление смуты, и поиск выхода из нее, весьма сомнительно. Смута оказывается синонимичной кризису, и тут Соловей относит к смутам... монгольское нашествие. Вернее, он со смутой соотносит итоги нашествия. Интересно, что в «режиме Путина» он видит не восстановление «большого стереотипа», а частичную ремиссию перед вступлением в большую смуту⁷⁷.

В последующем Соловей развивал свою точку зрения. Как уже отмечалось, он постарался доказать, что Смута начала XVII в. была революцией⁷⁸. Дальше он пользуется терминами «революция» и «Смута» как взаимозаменяемыми. Вновь дав красочную характеристику этого явления как воплощения Хаоса, он задумывается: а для чего же, собственно, эти смуты приходили? Ну, во-первых, это архетип, а во-вторых, для того, чтобы наша история могла совершать резкие повороты. И в этом смысле они функциональны. Но вот зачем народ бросает в топку Хаоса «немногое имевшееся богатство», я, сколько ни читал произведение Соловья, так и не понял. Судя по тому, как его критикуют (например, В. П. Булдаков), не понимают многие. Соловей, высказывая зачастую очень интересные и «хлесткие» мысли, умудрился сильно запутать вопрос о соотношении смут и революций, время от времени меняя угол зрения. Но у него хотя бы концы с концами сходятся, поскольку он — один из немногих, кто совмещает смуту с революцией.

⁷² Здесь нет ни возможности, ни необходимости погружаться в обширную современную литературу по вопросу о том, является ли Россия империей и что такое «континентальная империя».

⁷³ Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». 4-я часть. С. 10.

⁷⁴ Стремление увидеть цикличность нашей истории в смене реформ и контрреформ одно время граничило в нашей историографии с некоей модой. Я сознательно ухожу тут от историографического экскурса: он может излишне затянуться, да и названная тема для нас сейчас неважна.

⁷⁵ Концепция изложена в статье: Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. — Концепция эта, по мысли В. Д. Соловья, популярна не столько теоретической глубиной и успешностью объяснения исторических процессов, сколько своим предсказанием современной российской ситуации (Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 197). Забавно, что эту дуалистическую концепцию Соловей излагает лишь по А. И. Фурсову, которому приписывает «интеллектуальную мощь и теоретическую динамику», отказывая в таких талантах соавтору Фурсова.

⁷⁶ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 195, 198.

⁷⁷ Там же. С. 202, 205. — Вот тут с ним совсем нельзя согласиться: «стереотип» уж точно восстановлен. Вопрос только в том, надолго ли.

⁷⁸ Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. С. 230.

А вот все попытки их разделить на российской почве закончились неудачей⁷⁹. Соотношение «смуты» и «революции» наши гуманитарии рассматривали на круглом столе в октябре 2009 г.⁸⁰ Круглый стол поднял настоящую «смутную волну», которая не могла улечься несколько лет. Сколько было высказано мнений! Здесь невозможно их пересказать, тем более что споры продолжаются⁸¹, но стало ясно одно: все попытки совместить так или эдак «смуту» и «революцию» обречены на неудачу. Надо твердо осознать: или «смута», или «революция». И, к счастью (или к несчастью нашему), на Западе — революции, у нас — смуты!

Непонимание феномена российской смуты и специфического российского ГКС приводит к непониманию российской истории. И тогда даже в лучших из «общих» сочинений встречаем такие перлы: «Чередование взлетов и катастроф соотносится в книге с чередованием сменявших друг друга *государственных идеалов* (курсив не мой. — А. Д.): взлеты обуславливались их жизнеспособностью, поражения и катастрофы — исчерпанием их потенциала»⁸². В ход идут всякие восточные учения, например борьба тех же Хаоса и Космоса, манихейство, на котором якобы основана наша история. На подобных шатких основаниях культуролог А. С. Ахиезер воздвиг двухтомное здание российской истории⁸³.

Проблема соотношения смут и революций упирается, конечно, в другую проблему: а что, собственно, возрождалось после каждой смуты? Если это новое по своей сути общество, то тогда можно говорить о революции, если — реинкарнация старого, то, скорее всего, — о смуте. Проще всего дело обстоит с «путинской Россией». Сама нынешняя власть с удовольствием позиционирует современную Россию как прямую наследницу той страны, которую «мы потеряли» в 1917 г., а теперь обрели. Ученые соглашаются с властной концепцией⁸⁴. Тут, кстати, вновь возникает вопрос, по отношению к чему перестройка могла быть революцией и кем были Горбачев и Ельцин: революционерами или контрреволюционерами? Путин же если и воплощает собой революцию, то «революцию сверху». Так что в 90-е годы точно была смута...

Сложнее (снова!) — с советским периодом: «заря человечества», о которой твердила вся мощная советская пропаганда, накрепко засела в наших душах. Впрочем, с самых первых лучей этой зари стала формироваться и другая точка зрения. Мысли о преемственности двух эпох стали посещать русских мыслителей

⁷⁹ Фурсов А. И. Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сб. научных статей. (К 95-летию Февраля — Октября 1917 г.). М., 2012. С. 220–263.

⁸⁰ Народ и власть в российской смуте. Сб. научных статей / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. М., 2010.

⁸¹ Марченя П. П., Разин С. Ю. Народ и власть в русской смуте: «вилы» и «грабли» отечественной истории // Обозреватель-Observer. 2010. № 7. С. 96–103; Марченя П. П., Разин С. Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» руссиеведения...; Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». 6-я часть // Власть. 2010. № 9; Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего // Обозреватель-Observer. 2012. № 3. С. 22–34; № 4. С. 7–19; Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сб. научных статей. (К 95-летию Февраля — Октября 1917 г.). М., 2012.

⁸² Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2006. С. 13.

⁸³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1–2. Новосибирск, 1997.

⁸⁴ Миронов Б. Н. Страсти по революции... С. 96. — Объективности ради надо сказать, что современная Россия много вобрала в себя черт и России советской.

в эмиграции⁸⁵. С научной точки зрения одним из первых к представлению о сходстве советской и дореволюционной России пришел Г. Вернадский. К ней он, как и к российской истории в целом, шел от своих евразийских убеждений⁸⁶. Можно предположить, что Вернадский дал своей концепцией толчок американской науке. И хотя знаменитый Р. Пайпс — ученик не Вернадского, а М. М. Карповича, ему близка мысль о преемственности между досоветской и советской Россией⁸⁷. Пайпс прослеживает эту преемственность в рамках своей концепции вотчинного государства, которую он, кстати, взял для творческого развития из багажа «дореволюционной» русской историографии. Все важнейшие черты «вотчинного уклада» Московской Руси историк обнаружил и в Руси Советской⁸⁸. Другими словами, мы должны признать, что СССР был таким же вотчинным государством, каким было старое Московское царство. Правда, в США идею преемственности между царской и Советской Россией разделяли далеко не все⁸⁹. Зато эта идея все больше распространяется в современной российской науке. Экономическая политика советской власти представляется продолжением царской⁹⁰, советская модернизация является продолжением имперской по целям, средствам, результатам, обстоятельствам⁹¹. Советская бюрократия стала, по сути дела, продолжением досоветской⁹² (тем более что царским чиновникам тоже надо было чем-то питаться), а национальная политика стала сплавом имперской идеи и трансформированных установок большевиков⁹³. Даже идеология наследовала прежние установки: «прошлое входило в нашу жизнь не только в его романтическом виде, но и в идеологически переработанном виде»⁹⁴. Как бы подводя определенный итог всем этим научным исканиям, потомок одного из самых революционных революционеров и сам член нынешнего «правящего класса» В. А. Никонов без сомнения уже пишет о прямой преемственности между царской и советской Россией⁹⁵. Но это не снимает вопроса о том, чем все-таки был советский период.

⁸⁵ Омельченко Н. А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996. С. 354–357.

⁸⁶ См.: Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 101–132.

⁸⁷ Пайпс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 3. Россия под властью большевиков. 1918–1924. М., 2005. С. 628.

⁸⁸ Там же. С. 628.

⁸⁹ Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: американская историография. М., 2008. С. 45.

⁹⁰ Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). 3-е изд., перераб. М., 2013.

⁹¹ Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 63. 2018. Вып. 1. С. 54–82. — См. также: Potkina I. V. The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital // Былые годы. 2016. Т. 41-1, вып. 3-1. С. 882–889. — Стоит ли, однако, считать это «модернизацией» в западном смысле слова? Скорее это попытки грузного и малоподвижного российского ГКС, да еще в условиях извечной изоляции страны, приспособиться к изменяющимся обстоятельствам. Особенно такие «особенности модернизации» видны в наши дни.

⁹² См., напр.: Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

⁹³ Власть и реформы. От самодержавной России к Советской России. М., 2009. С. 667.

⁹⁴ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 84.

⁹⁵ Никонов В. А. Российская матрица. М., 2014. С. 434–446.

Известный историософ Ю. И. Семенов придумал понятие «политаризм». Сталинская революция, с его точки зрения, это возникновение политарного способа производства, политосистемы и появление политарха. Таковым Сталин и стал, возглавив иерархическую систему, воплотив в себе образ «верховного назначающего»⁹⁶. «Политаризм» — понятие столь надуманное и размытое, что любые попытки его применения приводят к неудаче.

Другой известный мыслитель — И. Р. Шафаревич — старался понять этот самый социализм с древнейших времен. Он пришел к выводу, что социализм проявляется в жизни в двух формах: как учение (хилиастический социализм) и как государственное устройство. В СССР социализм воплотился в виде *государственного социализма*. Судя по всему, ничего веселого в этом нет, поскольку сам-то социализм — это один из аспектов стремления человечества к самоуничтожению, к Ничто⁹⁷. Даже поклонники государственного социализма все-таки признают, что мы до него не дошли, остановились где-то на полдороге: советское общество, «если судить строго, по природе и устройству своему не было ни социалистическим, ни капиталистическим»⁹⁸. Можно по-всякому изголяться над советской системой, называя ее докапиталистическим социализмом, ублюдком капитализма и потребительного военного коммунизма (А. А. Богданов) и т. д.⁹⁹ В ход идет и понятие «тоталитаризм», которое использует, например, Р. Г. Пихоя¹⁰⁰. Очень любят связывать советское общество с крестьянской архаикой, которая не совмещалась с урбанизацией, потому якобы и возник кризис 80-х годов¹⁰¹. Наш старший товарищ по научному цеху, уже ушедший из жизни Д. Н. Альшиц, знаток русского Средневековья, называл советский строй «феодал-социализмом»¹⁰². А вот самое последнее по времени определение: ««советская теократия» — гибридный режим, совмещающий на разных этапах существования ряд признаков традиционных деспотий и авторитарных режимов Нового времени»¹⁰³. Это просто солянка какая-то!

Не буду излагать обширную западную историографию. Можно порекомендовать читателям соответствующий раздел достаточно свежей книги Андреа Грациози¹⁰⁴. Внимательное ознакомление с этим разделом, как, впрочем, и с другими книжками и статьями, убедило меня в том, что западная историография также потерпела фиаско в объяснении того, чем был строй, воплощенный в государстве под названием Советский Союз. Каких только понятий и смыслов ни прикладывали западные историки к этому «феномену». Вот, например, понятие «тоталитаризм». Ученики Карповича — Марк Раэф, Николай Рязановский, Ричард Пайпс, Мартин Малия, Ганс Роджер, Уоррен Тридгольд — в 1950-е годы разделяли взгляд на СССР как на тоталитарное государство. В то же время уже тогда многие сомневались

⁹⁶ Семенов Ю. И. *Философия истории. Общая теория исторического процесса*. М., 2013. С. 472–473.

⁹⁷ Шафаревич И. Р. *Социализм как явление мировой истории*. М., 2003. С. 341, 418. — Правда, подробно автор разбирает лишь «военный коммунизм».

⁹⁸ Толстых В. И. *Россия эпохи перемен*. М., 2012. С. 190, 192.

⁹⁹ Там же. С. 193.

¹⁰⁰ Пихоя Р. Г. *Советский Союз. История власти. 1945–1991*. М., 1998.

¹⁰¹ Фурсов А. И. *Народ, власть и смута в России...* С. 236.

¹⁰² Аль Даниил [Д. Н. Альшиц]. *Шаги истории России из прошлого в будущее*. СПб., 2007. С. 59.

¹⁰³ Медушевский А. Н. *Политическая история русской революции...* С. 627.

¹⁰⁴ Грациози А. *История СССР*. М., 2016. С. 428–476.

в этой теории и пытались понять СССР в свете теории модернизации Уолта Ростоу, оперировавшей таким критерием, как «традиционно — модерново». Имелось в виду продвижение государства от традиционных отношений к модерну. Тогда то, что происходило в СССР, выглядело как изначально ошибочная модернизация. В 70-е годы в ход пошла даже древняя теория общественного договора между режимом и обществом для характеристики пусть и ограниченного, но социального государства, которое формировалось с середины 50-х годов. Более здравомыслящие ученые (например, В. Заславский) не соглашались с такой сомнительной теорией, не без основания полагая, что и в 60-е, и в 70-е годы вполне «работала» инерция того ужаса, который обрушился на общество во времена Сталина.

В начале 80-х годов сильно заявили о себе неотрадиционалисты, прочитывавшие советскую историю в неовеберянском смысле — как историю харизматической системы, причем носителями харизмы были и лидер, и партия. И до и после традиционалистов как таковых происходили «традиционалистские прозрения»: тот же Пайпс (как мы уже отмечали) сравнивал СССР с Московским государством, а Гершенкрон еще в 1962 г. подчеркнул очевидную идентичность между Сталиным и Петром Великим. В 90-е годы вроде верх вновь взяли сторонники тоталитаризма. Но вскоре выяснилось, что это уже другой тоталитаризм, чаще обозначаемый как паратоталитаризм. Полагаю, советский строй вполне можно считать возрождением (естественно, с некоторыми модификациями) уже известного нам ГКС. При этом важно отметить (еще раз), что большевики отнюдь не действовали по раз и навсегда утвержденному плану, и все теории «государственного», «национально-государственного» строительства, которых продолжают придерживаться по привычке многие наши историки, особенно выросшие на истории КПСС, должны быть заброшены. Очень многое здесь было спонтанно, шло от желания приспособиться к меняющимся обстоятельствам, любыми силами уцелеть. Только потом это стало выглядеть как некая целенаправленная политика, да и то больше в наших несчастных студенческих головах.

Итак, после смуты конца второго десятилетия XX в. постепенно восстановился ГКС. Он восстановился и после «смуты-перестройки». Российский государственно-крепостнический строй созревает до смуты, которая сотрясает его до самой основы, принося неисчислимы бедствия. Потом всё как-то успокаивается. Но при этом продолжается процесс некоего разложения, гниения. Иногда исследователю-наблюдателю это кажется продолжением смуты. «Целый век прошел почти в непрерывных войнах с внешним врагом, частых и иногда весьма глубоких и кровавых внутренних конфликтах, в смутах, сотрясавших государство и общество», — так писал о XVII российском столетии наблюдательный исследователь¹⁰⁵. Так было и в XX в.: ведь не зря развернулась сталинская «модернизация». Явственно видна «цикличность» нашей «новой истории»: после смуты восстанавливается тот же строй, доживает каким-то образом до следующей смуты, потом снова восстанавливается.

В эту схему надо еще ввести явление, которое условно можно назвать *революцией сверху*. Условно — потому что это тоже никакая не революция, а мощный впрыск насилия и всякого рода внушения, включая идеологическое, которое власть

¹⁰⁵ Топоров В. Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 350.

каждый раз делает после смуты. В отличие от смут нам известны не три, а четыре такого рода «революции»: во времена Ивана Грозного, Петра I, Иосифа Сталина и Владимира Путина. Вот такова рабочая гипотеза нашей российской «новой истории». Можно ли назвать ее оригинальной? Впрочем, не суть важно, поскольку автор данных строк на особую оригинальность и не претендует, его задача — сделать понимание отечественной истории более ясным, четким и понятным. К сожалению, понятие «смута» в отличие от понятия «революция» в философии практически не разрабатывается, мало кто стремится дать научное определение этому явлению. Приведем одно из существующих: смута — явление чисто русское, это не революция и не борьба партий и даже не мятеж, это когда все всем недовольны, нет положительной идеи, которую приняли бы все, царит состояние всеобщего хаоса, которому не видно положительного конца¹⁰⁶. Тут можно возразить, что смута — явление, как уже говорилось, не сугобо русское, кроме того, вряд ли может удовлетворить определение «от противного».

Как уже отмечено, еще в горбачевские годы состояние России как «смуту» определил А. А. Зиновьев. Впрочем, он считал это не определением, а «одной из характеристик». Смута — «такое состояние общества, когда существовавший строй разрушается, но на его месте возникает не новый социальный строй в строгом смысле слова (не новый тип общественного организма), а хаотическое и эклектическая попытка организации продуктов разрушения в некое подобие целостного общества»¹⁰⁷. Такой подход вполне приемлем, но только надо иметь в виду, что довольно скоро подобие может стать вполне оформившейся реальностью. Дается и такое определение смуты: «Смута — это ситуация раздвоения (как минимум) субъекта власти, ввергающая систему в кризис, поскольку в данной системе единственность властного субъекта есть показатель нормы и социального здоровья, *conditio sine qua non* существования системы»¹⁰⁸. Феномен смуты нуждается в дальнейшем изучении, причем это тот случай, когда не помешает и междисциплинарный подход. Для начала можно было бы создать некую модель российской смуты, но такая задача выходит за рамки нашей статьи.

Явно недостаточно разработано понятие «*революция сверху*». Спорят даже о том, кто придумал его: испанский политолог Хоакин Коста или Маркс с Энгельсом. Ленин достаточно часто употреблял его. В Большой советской энциклопедии можно найти несколько революций, даже «революцию цен», а «революции сверху» нет. Советские исследователи, суммируя высказывания «классиков» и исторические реалии, пришли к выводу, что это нечто, находящееся на грани грандиозных реформ и революции, и что таковыми были наши «Великие реформы» 60-х годов XIX в., «Белая революция» в Иране, строительство «нового» общества на Филиппинах¹⁰⁹.

На заре перестройки появилась книга Н. Я. Эйдельмана, в которой он в при- сущей ему яркой форме постарался осветить феномен «революции сверху»¹¹⁰. Он

¹⁰⁶ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 25.

¹⁰⁷ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 294.

¹⁰⁸ Фурсов А. И. Народ, власть и смута в России... С. 231.

¹⁰⁹ Агаев С. Л. «Революция сверху»: генезис и пути развития // Вопросы философии. 1976. № 11. С. 74, 78, 81.

¹¹⁰ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

очень широко представляет такие «революции», временами не отделяя их от реформ. Тогда книга и сама тема даже породили некую дискуссию. Б. Г. Литвак, крупный знаток истории России XIX в., утверждал, что в русском историческом процессе не просматривается ни одна революция подобного рода. Американский историк Т. Эммонс находил в русской истории обе традиции: и «революций сверху», и «революций снизу»¹¹¹. Потом дискуссия заглохла... Вообще термин вряд ли приживется в новой концепции российской истории, которая создается общими усилиями. Но присмотреться к нему следует. В конце концов, как еще назвать то, что сотворили в нашей истории «первый большевик» Петр Великий или Сталин?

Стоит присмотреться и к такому понятию из прежнего терминологического багажа, как «революционная ситуация». Правда, «смутная / предсмутная ситуация» звучит как-то хуже, но суть дела отражает неплохо. Ведь те глобальные смуты, о которых мы говорили, к счастью, не часто посещают наши пенаты, и «смутная ситуация» с ее накоплением негативных настроений должна им предшествовать. Другое дело, что смута (во всяком случае в России) никогда не может начаться снизу, и нежелание низов «жить по-старому» (если брать классическое ленинское определение) не является определяющим. Как мы уже поняли, без явного кризиса власти никакая смута в России не происходит, и, таким образом, именно «верхи» не желают и не могут жить по-старому. Когда власть тупеет и заходит в тупик, жди смуты! Другое дело, что постоянное недовольство масс может как-то негативно влиять на состояние власти. Но ни обострение нужды и бедствий тех же масс больше обычного, ни повышение политической их активности¹¹², ни внешние катаклизмы (войны, санкции и т. д.) главной роли в приближении российской смуты не играют. Таковы уж особенности российского социума, определяемые, в свою очередь, глубокой спецификой ГКС.

Как бы то ни было, Смута занимает свое твердое место в российской истории. Если вернуться к названию статьи, то обращаю внимание на значение слова «фактор». Слово иностранное, но хорошее. Одно из главных значений — движущая сила, причина какого-то процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении¹¹³. Смута и есть одна из основных движущих сил нашей истории. Впрочем, эта мысль постепенно становится трюизмом. Но в данном контексте важен вопрос о месте этих самых смут в истории России. Только если четко представлять себе русскую историю, можно адекватно осознать и место в ней смут. В то же время сама теория смут позволяет гораздо более адекватно понять и саму историю. Любое явление истории, приложи к нему эту теорию, заиграет новыми яркими красками и станет более понятным.

Были ли смуты на Руси до XVII в.? Киевскую Русь, эту античность восточных славян¹¹⁴, и тревожить не стоит! Тут сразу надо отделить смуту от социальной борьбы. Это далеко не совпадающие явления: социальная борьба в Киевской Руси имела место (конечно, не в тех «классовых» формах, которые мерещились совет-

¹¹¹ См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. С. 25.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М., 1969. С. 218.

¹¹³ Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 635.

¹¹⁴ Dvornichenko A. Yu. The Place of the Kievan Rus in history // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–17.

ским историкам-марксистам)¹¹⁵, а смут не бывало и быть не могло, поскольку еще не было государства¹¹⁶. Вот, кстати, еще одна важная деталь к определению смуты: она возможна только в едином, уже сформировавшемся государстве.

Вряд ли смута могла произойти и в XIV–XV вв. Правда, в первой четверти XV в. в тех государствах, которые формировались на древнерусской основе — Великом княжестве Литовском и Великом княжестве Владимирском (оно же Московское, оно же позже Россия) произошли события, внешне напоминающие смуту. Речь идет о восстании Свидригайло (Великое княжество Литовское) и о событиях времени правления Василия Темного, о его борьбе с князем Юрием Дмитриевичем, которого поддержали сыновья. В советской историографии без всякого на то основания эти события именовали «феодалной войной». Можно оспорить не только такое определение, но и сами попытки трактовать события XV в. в подобном ключе¹¹⁷.

Уже в нулевые годы Ирина Борисовна Михайлова, наша соратница, к несчастью, недавно безвременно ушедшая из жизни, посвятила этому явлению социально-политической истории интересную и содержательную статью под характерным названием «Смута»¹¹⁸. Однако, полагаю, ей не удалось доказать, что это была именно смута — одна из тех, которые потом будут посещать русское государство. Как уже сказано, смута бывает в сформировавшемся государстве, а при Василии Темном еще шел процесс образования «единого централизованного российского государства»¹¹⁹. И далеко было до сформировавшегося ГКС. Соответственно, в борьбе между регионами много было от древнерусской старины, от тех взаимоотношений городов-государств, которые хорошо изучены на древнерусском материале¹²⁰. То же самое можно сказать и о событиях в Литовско-Русском государстве, которые дают прекрасный сравнительно-исторический материал для изучения событий в Московии.

Чтобы появиться на свет, наш ГКС должен был пережить и «революцию сверху» Ивана Грозного, и Смуту, которая стала первой, но не последней в нашей истории. Значит, смут на Руси до начала XVII в. не наблюдалось. По этой причине и слово до той поры в этом значении не употреблялось, о чем мы говорили в начале статьи. Зато с этого времени всю дальнейшую нашу историю можно рассматривать с точки зрения теории смут и ГКС. Здесь будет и Разинщина, своеобразное движение, в котором было много догосударственной архаики, и «революция сверху» Петра I, и дворцовые перевороты, не приведшие к смуте, и еще одна неудавшаяся смута — Пугачевщина. Особый колорит имеет год 1825-й. Кризис междоусобия по-

¹¹⁵ См. критику такого подхода: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь: очерки социальной борьбы. М.; СПб., 1996.

¹¹⁶ *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры...

¹¹⁷ *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодалные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 3–12; *Дворниченко А. Ю.*: 1) Русская история с древнейших времен до падения самодержавия; 2) Русские земли Великого княжества Литовского: очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). М., 2013. С. 200–213.

¹¹⁸ *Михайлова И. Б.* Смута на Руси в первой четверти XV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2004. Вып. 1–2. С. 4–18.

¹¹⁹ Не будем вдаваться в схоластический спор, который шел в советской историографии, было ли оно «единым, но еще не централизованным», или «централизованным, но еще не совсем единым».

¹²⁰ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

родил знаменитое восстание декабристов, в котором многое напоминало прежние перевороты, но в то же время многое было заимствовано из опыта других стран¹²¹. Присоединись к этому народные движения, не ограничься народ одними камнями со стройки Исаакиевского собора (и кидали их как-то вяло!), быть бы Смуте. Но это — уже из области сомнительной альтернативной истории... Потом наступят еще две смуты, о которых у нас шла речь, и две «революции сверху», которые надо изучать и изучать.

«Теория смут» становится важнейшим орудием в постижении российской истории. С ее помощью можно гораздо лучше понять характер практически всех заметных катаклизмов, которые сотрясали нашу страну на протяжении ее истории. Можно в значительной степени даже предвидеть будущее. Но все-таки история — это не футурология. Да и не хочется о грустном...

References

- Agaev S.L. “Revoluciya sverxu”: genesis i puti razvitiia. *Voprosy filosofii*, 1976, no. 11, pp. 74–85. (In Russian)
- Ahiezer A.S. *Rossii: kritika istoricheskogo opy'ta*. Vol. 1. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997, 804 p. (In Russian)
- Ahiezer A.S. *Rossii: kritika istoricheskogo opy'ta*. Vol. 2. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1998, 600 p. (In Russian)
- Ahiezer A., Kliamkin I., Iakovenko I. *Istoriia Rossii: konets ili novoe nachalo?* Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 708 p. (In Russian)
- Al' Daniil (Al'shits D.N.) *Shagi istorii Rossii iz proshlogo v budushchee*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 368 p. (In Russian)
- Anikin D.A. Simvolicheskaiia bor'ba s sovetskim proshly'm: parad v kontekste politiki pamiati. *Vlast'*, 2014, no. 2, pp. 139–142. (In Russian)
- Antonov D.I. *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: e'voliutsiia drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka*. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2009, 424 p. (In Russian)
- Belgorodskaiia L.V. Obraz Smutnogo vremeni v anglo-amerikanskoi e'ntciklopedistike XX — nachala XXI v. *Smutnoe vremia v Rossii: konflikt i dialog kul'tur*. Materialy nauchnoi konferentsii, St. Petersburg, 12–14 octiabria 2012 goda. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Historical Faculty, 2012, pp. 8–12. (In Russian)
- Bol'shakova O.V. *Vlast' i politika v Rossii XIX — nachala XX veka: amerikanskaia istoriografiia*. Moscow, Nauka Publ., 2008, 263 p. (In Russian)
- Bonwetsch B. *Die Russische Revolution 1917: Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991, 240 S.
- Brachev V.S. *Sluzhiteli istoricheskoi nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I. Ya. Froianov*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010, 768 p. (In Russian)
- Buldakov V.P. *Krasnaia smuta: priroda i posledstviia revoliucionnogo nasiliia*. Izd. 2-e, dop. Moscow, ROSSPE'N Publ.; Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, 2010, 967 p. (In Russian)
- Buldakov V.P. Sistemny'i krizis v Rossii: sravnitel'noe issledovanie massovoi psikhologii. 1904–1921 i 1985–2002 godov. *Acta Slavica Japonica*. T.XXII. The Slavic Research Center. Hokkaido, Hokkaido University, 2005, pp. 95–119. (In Russian)
- Buldakov V.P., Marchehia V.P., Razin S. Yu. Mezhdunarodny'i krugly'i stol “Narod i vlast' v rossiiskoi smute”. 4-ia chast'. *Vlast'*, 2010, no. 7, pp. 9–14. (In Russian)
- Buldakov V.P., Marchehia V.P., Razin S. Iu. Rossiiskie krizisy' na kruglom stole “Narod i vlast' v rossiiskoi smute”. *Rossii i revoliutsiia: proshloe i nastoiashchee sistemny'kh krizisov*. Sb. nauchny'kh statei. (K 95-letiiu Fevralia — Oktabria 1917 g.). Moscow, OOO “APR” Publ., 2012, pp. 291–362. (In Russian)
- Chistikov A.N. *Partiino-gosudarstvennaia biurokratiia Severo-Zapada Sovetskoi Rossii 1920-x godov*. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2007, 292 p. (In Russian)

¹²¹ Дворниченко А. Ю., Белоусов М. С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. 2017. Вып. 2. 2017. С. 358–374.

- Chudinov A. Kul't revolutsii. *Istorik. Zhurnal ob aktual'nom proshlom*, no. 6 (30), 2017, pp. 70–77. (In Russian)
- Dunning Ch. S. L. Crisis, Conjuncture, and the Causes of the Time of Troubles. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 19. Cambridge (Mass.), [s.n.], pp. 97–119.
- Dvornichenko A. Yu. Georgii Vernadskii o sovetskoj Rossii (k publikatsii stat'i G. V. Vernadskogo "Paradoksy' bol'shevizma"). *Modern History of Russia*, 2015, no. 2, pp. 101–132. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshhanie s Revoliutsiei*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossii. Zagadka istorii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhavii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Ruslan Grigor'evich Skry'nnikov — issledovatel' Smutnogo vremeni. *Smutnoe vremia v Rossii: konflikt i dialog kul'tur*. Materialy' nauchnoi konferencii, Sankt-Peterburg, 12–14 oktiabria 2012 goda. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Historical Faculty, 2012, pp. 60–63. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo kniazhestva Litovskogo: ocherki istorii obshchiny', soslovii, gosudarstvennosti (do nachala XVI v.)*. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2013, 240 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The Place of the Kievan Rus' in History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, iss. 4, pp. 5–17.
- Dvornichenko A. Yu. Ulozhenie 1649 goda i gosudarstvenny'i stroi Rossii. *Gosudarstvennaia vlast' i obshchestvennost' v istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniia Rossii*. Sb. statei pamiati M. M. Shumilova. St. Petersburg, Sant-Peterburgskii institut istorii RAN Publ., 2004, pp. 15–15. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery'. O proisxozhdenii drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow; St. Petersburg, KLIO Publ., Evraziya Publ., 2014, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Belousov M. S. Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, 2017, iss. 2, pp. 358–374. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. "Feodal'nye voiny" ili demokraticheskie al'ternativy? *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History. Linguistics. Study of Literature*, 1992, iss. 3, 1992, pp. 3–12. (In Russian)
- E'idelman N. Ya. "Revolutsiia sverxu" v Rossii. Moscow, Kniga Publ., 1989, 176 p. (In Russian)
- Figes O. *Peoples' Tragedy: The Russian Revolution, 1899–1924*. London, Penguin Books Publ., 1998, 923 p.
- Figes O. *Revolutionary Russia, 1891–1991. A Pelican Introduction*. London, Pelican: an Imprint of Penguin Books Publ., 2014, 473 p.
- Fitzpatrick S. Ending the Russian Revolution: Reflections on Soviet History and Its Interpreters. Elie Kedourie Memorial Lecture. *Proceedings of the British Academy*. Vol. 162. Oxford, [s.n.], 2009, pp. 36–37.
- Fitzpatrick Sheila. *The Russian Revolution*. 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 2008, 224 p.
- Florovskii G. Protivorechiia XVII veka (III glava iz knigi "Puti russkogo bogoslovii". Parizh, 1937). *Iz istorii russkoi kul'tury'*. Vol. III (XVII — nachalo XVIII veka). Moscow, Yazv'ki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 300–329. (In Russian)
- Frolov E. D. *Paradoksy' istorii — paradoksy' antichnosti*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, 420 p. (In Russian)
- Froyanov I. Ya. *Drevniia Rus': ocherki social'noi bor'by'*. Moscow; St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1996, 703 p. (In Russian)
- Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988, 269 p. (In Russian)
- Fursov A. I. Narod, vlast' i smuta v Rossii: razmy'shleniia na poliakh odnoi diskussii. *Rossii i revoliutsiia: proshloe i nastoyashchee sistemny'kh krizisov*. Sb. nauchny'kh statei. (K 95-letiiu Fevralia — Oktyabria 1917 g.). Moscow, OOO "APR" Publ., 2012, pp. 220–263. (In Russian)
- Gaidar E. T. *Smuty' i instituty*. Moscow, Algoritm Publ., 2015, 320 p. (In Russian)
- Golovashina O. V. Oktiabr'skaia revoliutsiia: istoriia obraza (po materialam sovetskikh zhurnalov). *Internum*, 2015, no. 1 (10), pp. 13–31. (In Russian)
- Graczioli Andrea. *Istoriia SSSR*. Moscow, Politicheskaiia e'ntsiklopediia Publ., 2016, 632 p.
- Hildermeier M. *Die russische Revolution 1905*. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1989, 350 S.
- Kalmykov A. G. Osnovnye e'tapy' rossiiskogo parlamentarizma. *Sravnitel'nyi' aspekt. Istorik i revoliutsiia*. Sb. statei k 70-letiiu so dnia rozhdeniia O. N. Znamenskogo. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 224–238. (In Russian)
- Koposov N. E. *Pamiat' strogogo rezhima: istoriia i politika v Rossii*. Moscow, NLO Publ., 2011, 320 p. (In Russian)

- Kristensen S. O. *Istoriia Rossii XVII v. Obzor issledovaniia i istochnikov*. Moscow, Progress Publ., 1989, 256 p. (In Russian)
- Krotkov V. O. *Ot SSSR k Rossii — avtoritarnaia transformatsiia rubezha XX–XXI vekov*. 2nd ed. Moscow, Moscow State University Press, 2012, 640 p. (In Russian)
- Liseizcev D. V. *Prikaznaia sistema Moskovskogo gosudarstva v e'pokhu Smuty*. Tula, Grif i K Publ., 2009, 792 p. (In Russian)
- Liseizcev D. V. Smutnoe vremia: proiskhozhdenie, sodержanie i khronologicheskie ramki poniatiia. *Sbornik. Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 8 (156). Moscow, "Russkaia panorama" Publ., 2003, pp. 318–328. (In Russian)
- Liseizcev D. V. Tsentral'naia vlast' Rossii e'pokhi Smuty' nachala XVII v.: sushchestvovala li al'ternativa ukrepleniui samoderzhavii? *Vestnik of Moscow State University. Series 12. Politicheskie nauki*, 2012, iss. 5, pp. 3–14. (In Russian)
- Marchenia P. P., Razin S. Yu. "Smutovedenie" kak "gordiev uzel" rossievedeniia: ot imperii k smute, ot smuty' k ... ? *Rossii i sovremenny'i mir*, 2010, iss. 4, pp. 48–65. (In Russian)
- Marchenia P. P., Razin S. Yu. Narod i vlast' v russkoi smute: "Vily" i "grabli" otechestvennoi istorii. *Obozrevatel'-Observer*, 2010, iss. 7, pp. 96–103. (In Russian)
- Mau V. A. *Reformy' i dogmy'. Gosudarstvo i e'konomika v e'pokhu reform i revoliutsii (1861–1929)*. 3rd ed., revised. Moscow, Izdatel'skii dom "Delo", Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziastva i Gosudrvennoi sluzhby, 2013, 512 p. (In Russian)
- Meduchevskii A. N. *Politicheskaiia istoriia russkoi revoliutsii: normy', instituty', formy' social'noi mobilizatsii v XX veke*. Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarny'kh initsiativ Publ., 2017, 656 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Imperial and Soviet Modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 54–82. (In Russian)
- Mironov B. N. *Strasti po revoliutsii: nrayy' v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013, 336 p. (In Russian)
- Mihailova I. B. Smuta na Rusi v pervoi chetverti XV v. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*, 2004, iss. 1–2, pp. 4–18. (In Russian)
- Nefedov S. A. A Try-Out of the February Revolution? *Bylye Gody*, vol. 42, 2016, iss. 4, pp. 1378–1385. (In Russian)
- Nikonov V. A. *Rossiiskaya matritsa*. Moscow, OOO "Russkoe slovo — uchebnik" Publ., 2014, 992 p. (In Russian)
- Novikova L. I., Sizemzkaia I. N. *Tri modeli razvitiia Rossii*. Moscow, Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2000, 272 p. (In Russian)
- Omel'chenko N. A. *V poiskax Rossii: obshchestvenno-politicheskaiia mysl' russkogo zarubezh'ia o revoliutsii 1917 g., bol'shevizme i budushchikh sud'bach rossiiskoi gosudarstvennosti (istoriko-politicheskii analiz)*. St. Petersburg, Rossiiskii Khristiansko-Gumanitarnyi Publ., 1996, 549 p. (In Russian)
- O'Rourke Shane. *The Cossacks*. Manchester; New York, Manchester University Press, 2007, 303 p.
- Pipes R. *Russkaia revoliutsiia. In 3 books. Book 2. Bol'sheviki v bor'be za vlast'. 1917–1918*. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 720 p. (In Russian)
- Pipes R. *Russkaia revoliutsiia. In 3 books. Book 3. Rossiia pod vlast'iu bol'shevikov. 1918–1924*. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 704 p. (In Russian)
- Pipes R. *Sobstvennost' i svoboda. Rasskaz o tom, kak iz veka v vek chastnaia sobstvennost' sposobstvuet vnedreniiu v obshchestvennuiu zhizn' svobody' i vlasti zakona*. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia Publ., 2001, 415 p. (In Russian)
- Pipes R. *Tri "pochemu" russkoi revoliutsii*. Moscow; St. Petersburg, Atheneum Publ.; Feniks Publ., 1996, 95 p. (In Russian)
- Pihoiia R. G. *Sovetskii Soiuz. Istoriia vlasti. 1945–1991*. Moscow, Rossiiskaia akademiia Gosudarstvennoi sluzhby Publ., 1998, 736 p.
- Potkina I. V. The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital. *Bylye Gody*, 2016, vol. 41–1, iss. 3–1, pp. 882–889.
- Presniakov A. E. Tri stoletii. *Tri veka*. Vol. 1. Eds A. M. Martyshkin, A. G. Sviridov. Moscow, Patriot Publ., 1991, 294 p. (In Russian)
- Rubinshtein N. L. *Russkaia istoriografiia*. 2nd ed. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2008, 938 p. (In Russian)
- Saharov A. M. Rabota V.I. Lenina nad istochnikami po russkoi istorii. Saharov A. M. *Metodologiia istorii i istoriografiia. (Stat'i i vystupleniia)*. Moscow, Moscow State University Press, 1981, pp. 20–23. (In Russian)

- Selin A. A. Smutnoe vremia v istoriografii poslednikh let. *Smutnoe vremia v Rossii: konflikt i dialog kul'tur. Materialy' nauchnoi konferentsii Sankt-Peterburg, 12–14 oktiabria 2012 goda.* St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Historical Faculty, 2012, pp.223–227. (In Russian)
- Semenov Iu. I. *Filosofiia istorii. Obshchaia teoriia istoricheskogo processa.* Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Trikssta Publ., 2013, 615 p. (In Russian)
- Service Robert. *The Russian Revolution.* 4th ed. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2009, 138 p.
- Shafarevich I. R. *Sotsializm kak iavlenie mirovoi istorii.* Moscow, E'ksmo Publ., 2003, 448 p.
- Smith S. A. *Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928.* Oxford, Oxford University Press, 2017, 472 p.
- Solovei V. D. *Russkaia istoriia: novoe prochtenie.* Moscow, AIRO-XXI Publ., 2005, 320 p. (In Russian)
- Solovei V. D. *Krov' i pochva russkoi istorii.* Moscow, Russkii Mir Publ., 2008, 480 p. (In Russian)
- Stanislavskii A. L. *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v.: kazachestvo na perelome istorii.* Moscow, My'sl' Publ., 1990, 270 p. (In Russian)
- Starodubrovskaja I. V., Mau V. A. *Velikie revolyutsii: ot Kromvelia do Putina.* 2nd ed., additional. Moscow, Vagrius Publ., 2004, 512 p. (In Russian)
- Struve P. B. *Intelligentsiia i revoliutsiia. Vekhi. Intelligentsiia v Rossii. Sb. statei. 1909–1910.* Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1991, pp. 136–152. (In Russian)
- Tolsty'h V. I. *Rossiiia e'pokhi peremen.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 367 p. (In Russian)
- Toporov V. N. *Moskovskie liudi XVII veka (k zlobe dnja). Iz istorii russkoi kul'tury'.* Vol. III (XVII — nachalo XVIII veka). Moscow, Iazy'ki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 346–379. (In Russian)
- Tzamutali N. A. *Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma. Istoriograficheskie ocherki.* Leningrad, Nauka Publ., 1986, 331 p. (In Russian)
- Vernadsky G. *The Russian Revolution, 1917–1932.* New York, Holt, Cop, 1932, 133 p.
- Yakovlev A. *Bezumnoe molchanie (prichiny' Smuty' po vzgliadam russkikh sovremennikov). Sbornik statei, posviashchennyi V. O. Kliuchevskomu.* Moscow, Tovarichshestvo "Pechatnia S. P. Iakovleva", 1909, pp. 651–678. (In Russian)
- Zinov'ev A. A. *Russkii e'ksperiment.* Moscow, "L'Age d'Homme — Nash dom" Publ., 1995, 448 p. (In Russian)
- Zinov'ev A. A. *Russkaia smuta.* Moscow, Izdatel'skii dom Kelvori, 1995, 118 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2018 г.

Рекомендована в печать 31 мая 2018 г.